

84(2Рос=Рус)б-5

К 19

Диана Кан

Обречённые на славу

САЗНН44

Диана Кан

Обречённые на славу

Стихи

Русское эхо
2009

Ветер воли

Первый тост за бабушку Гугниху
Возгласит станичный атаман,
Прямо в глотку опрокинув лихо
Свой гранёный, словно штык, стакан.

За Гугниху на седом Яике
Пьют по первой испокон веков...
Кто не знает бабушки Гугнихи,
Тот не из яицких казаков!

Если нас по полю брани носит
С вострой шашкой на коне лихом,
И подкова удалая косит
Поле, что засеяно свинцом,

Не рыданья жён, сестёр стенанья,
Слёзы помертвельх матерей —
Бабушки Гугнихи заклинанья
До степных небес дойдут скорей.

Сдержанно, торжественно и тихо
В небесах за правнуков своих
Хмурая суровая Гугниха
Денно-нощно молит всех святых.

За Гугниху! — и никак иначе —
С лезвия клинка казаче пьёт...
Потому что вольный род казачий
От Гугнихи-бабушки идёт!

Конь буланный. Меч булатный.
Небеса в крови.
На священный подвиг ратный,
Русь, благослови!

Среди злой хазарской ночи
Сыновьям вослед
Голубые вдовьи очи
Льют свой слёзный свет.

И былинное раздолье
Осенил окрест
Православный ветер воли,
Посланный с небес.

Наш поклон родному дому,
Божьему лучу...
Щит к щиту. Шелом к шелому.
И плечо — к плечу.

Китайская стена

Кому лететь в обетованный край.
Кому-то возводить домашний рай.
А мне стоят китайскою стеной
Под грозным небом родины родной.

Спят небеса, прильнувшие к плечу.
Я в мире легче ноши не хочу.
Течёт сквозь время вечная река,
Вскормив своею грудью облака.

Амур, Кубань, и Терек, и Яик!
Мне слух ласкает гордый ваш язык.
И ваши грозные имена
Слились в одно — китайская стена.

Корнями в землю русскую вросла...
И нет на белом свете ремесла
Превыше этой связи корневой
Меж вольным небом и родной землёй.

Покуда на груди спят облака,
Я буду на земле стоять века...
Пусть знает за моим плечом страна,
Что я — её китайская стена!

Две бабки — самурайка и казачка.
Две лютых бабки, словно на войне,
Меня благословляя на удачу,
Однажды насмерть встретились во мне.

Никак кинжалу не сломить нагайки...
Зачем вы мне твердите о любви,
Казачка-бабка, бабка-самурайка,
Воюя в моей собственной крови?

Да, это мы — стрибожьи внуки-ветры,
Вернувшиеся из гиперборей,
Впитавшие шальные километры,
Медвежий рёв арктических морей.

Впервой ли нам, устав от иностранства,
В пути вспыхавшим смерчами не раз,
Врываться в неоглядное пространство,
Посильное лишь для славянских глаз.

Последний лист сорвав с него, бывало,
Его, неодолимое для ног,
Мы одаряли брачным покрывалом,
Как повелел нам дед — седой Стрибог.

Безмолвное таинственное время —
Спрядёт Макуша вьюжную кудель.
И юный бог — зеленоглазый Семич —
К губам приложит звонкую свирель.

И семена, что под землёю грелись,
Взойдут-заколятся, как всегда.
Страдая от одышки, тучный Велес
Погонит в степь стотельчие стада.

И грозно грянет клич Перуна свыше,
И Святослав пойдёт на абордаж...
И — дрогнет Старый Свет, вдали услышав
Неукротимый рёв медвежий наш.

Печальники и воины славянства!
В дни осквернённых свёрнутых знамён,
Во дни раздрая, смуты, окаянства
Спасает евразийское пространство
Сиянье ваших солнечных имён.

Покуда незатменно в небе солнце
И льёт на землю царственный покой,
То лишь ленивый всуе не смеётся
Над вашей божественной тоской.

Но в дни затмения да пребудут с нами
Олега щит и Святослава меч,
Орлёное запахнутое знамя,
Неспешная аксаковская речь.

Не из гордыни и не для забавы
Над бездной, даже падши, воспарим...
Славяне, обречённые на славу
Исконным славным именем своим!

В часы унынья, грусти и печали
Отчизны воздух горестно горчит...
И Бог, трусливым преданный молчаньем,
С иконы укоризненно глядит.

«В терпении стяжите души ваши...»
Терпенья на Руси не занимать,
Мгновений воли, гнева и бесстрашья
Веками вожделенно выжидать.

От Стеньки до Емельки Пугачёва
В разбойных песнях грусть-тоску беречь...
Да не осудит таковое слово
Принесший нам с небес не мир, но — меч!

Среди спалённых удалью раздолий
Промеж идущих с тесаками в ночь
Презрен, кто не до пугачёвской ВОЛИ,
А лишь до кладов Разина охоч!

Подорожная

С нами Бог, а за нами — Россия!
Прочь с дороги, картавый мессия.
Рвёт поводья (была — не была!)
Конь-огонь, закусив удила.

Свет в окне — дорогая маманя,
Драгоценнейший мой дружок!
Предстоит мне кровавая баня —
Наливай-ка на посошок!

Эх, долгонько же мы запрягаем,
Но поедем — эгей! — с ветерком.
На юру-на ветру поиграем
Разудалым казацким клинком.

Подноси-ка, свет-милка-любаша,
На прощанье горилки твоей...
Стремянную угрюмую чашу
Пью до дна без заздравных затей.

Покидаю родительский дом,
Мать родную, жену молодую...
Раздели со мной, батюшка-Дон,
Закордонную чару хмельную!

То бранная, то бражная потеха...
Ох, суженый! Тебе не до меня!
На отчий двор, ишь, не успел заехать —
Уже велишь седлать тебе коня.

Вновь меч востришь. Любуешься подпругой.
И жеребца за холку теребишь.
Когда же ты возьмёшь меня за руку?
Рядком-ладком со мною посидишь?

Я жду-пожду... Ты за полночь вернёшься.
С утра проснёшься — снова был такой!
Да что ж ты из моих объятий рвёшься,
Как будто бы из вражеских оков?!

Твои дружки, когда напьются в стельку,
Кричат: «Ты променял нас на жену...».
И не добрей ли был разбойник Стенька,
Что утопил персидскую княжну?

О, эти чудо-одуванчики,
Льняными бывшие и рыжими —
Совсем как новобранцы-мальчики,
Палёным ветром бриты-стрижены.

Они по отчим неудобиям
Встают рядами поределыми.
Иль жмутся к воинским надгробиям
С их матерями поседелыми.

Ужели им (уже не верится!)
Под всхлипы вешнего соловушки
Весной венки сплетали девицы
И водружали на головушки?..

Ужель совали им в карманчики
Гостинцы ласковые матушки?..
Вчера лишь — маменькины мальчики...
Сегодня — русские солдатушки.

Они взойдут на поле ратное
И сложат буйные головушки...
И — отцветут цветочки ранние —
Недолгие, как вдовьи солнышки.

Всегда свободы в жизни я хотела...
И вот шепчу: «Немного потерпи!»,
Пока своё поверженное тело
В казачьей вольной хороню степи.

Так было Богу и душе угодно,
Чтоб воссияло в грешной темноте:
«Вовеки и воистину свободна...» —
Распятою строкою на кресте.

Моё шальное неказачье имя,
Предательских не ведавшее слёз,
Губами повторённое твоими
Всем прочим именам наперехлёт.

Ни в бранной суете, ни в житейской суете
Его напрасно не произноси,
Как слово наговорное от пули,
Спасаящее в битвах на Руси.

Так Богу и душе моей угодно,
Чтобы оно сияло в темноте —
Вовеки и воистину свободно —
Распятою строкою на кресте!

Мы — пасынки своей земли родной
Под блеклой остывающей луной.
Немые тени на глухой стене
И — солнце, отбродившее в вине.

Отпело в скифских золотых веках
И запеклось на сомкнутых губах
Угрюмое славянское вино,
От коего в глазах темным-темно.

Бредём ли пёше, скачем на коне
Иль стынем в ледяном крещенском сне —
Польного похмелья тяжкий вздох
Тревожит тишину былых эпох.

Высокая повинность — не вина!
Но нам и впредь оплачивать сполна
Прозренья мира и его покой
Своей вселенской скифскою тоской.

Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.
Здесь так легко рукой до звёзд
Достать сквозь облака.

И — тишина... И лишь один
Здесь свищет средь ветвей
Разгульный одихмантьев сын
Разбойник-Соловей.

Почто, не зная, почему,
Ступив на зыбкий мост,
Вдруг оцетинился во тьму
Мой верный чёрный пёс?

И ворон гаркнул в пустоту:
«Врага не проворонь!»,
Когда споткнулся на мосту
Мой богатырский конь.

Здесь мой рубеж последний врос
На долгие века...
...Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.

У Игреньки очи в пол-лица.
Говорит Игреньюшка, как пишет.
Нам в речах Игреньки-Бубенца
Лучше, братья, ка́жну букву слышать!

Ах, Игренья, пламя из очей!
Не оттуда ли надыбал имя,
Где ты крал игрневых коней
Вкупе с бубенцами золотыми?

А потом на краденых конях
(Так гласят окрестные преданья!)
Крал молодок в серьгах, вдов в перстнях
И невест в венчальных одеяньях.

Похититель девичьих сердец,
Матерущий бражник и ватажник,
Атаман Игренька-Бубенец
Никогда не повторяет дважды!

Кто мечтал: нальёт полней стакан
Братовьям, что третий день пируют,
Будет нам и князь, и атаман —
Бубенец того разочарует.

Всякому ослушнику — конец!
Вмиг вскипит в Игреньке ярость-злоба...
Дважды бьёт Игренька-Бубенец:
Первый — в глаз, второй — по крышке гроба!

Я мечтанья о несбыточном оставила.
Закудыкала сама свои пути.
Заколодела дорожка, замуравела...
Не проехать, а тем паче, не пройти!

Как же вышло так?
Я шла в Первопрестольную
Мимо логова шального соловья...
Почему же оказалась вдруг окольной
Прямоезжая дороженька моя?

По камням, по стерне и по болотинам,
По угольям изошедших светом звёзд
Неужели это мною было пройдено
Тьмы и тьмы непроходимых русских вёрст?

Мимо тучных заливных лугов некошенных,
Мимо вскачь и вдаль несущихся веков...
Неужели это мною было сношено
Ажно десять пар несносных башмаков?

...Глажу, словно малых деток по головушкам,
Грустным взором золотые купола...
И — свистит вдогонку мне шальной соловушка,
Выжигая землю отчую дотла.

«Прости меня!..» — кричу вдогонь,
От ветра заслоняясь.
Но в степь уносит чальный конь
Тебя, мой юный князь.

Уносит прочь мою судьбу
Твой верный чальный конь
С каурой вызвездью во лбу,
Рождённый для погонь.

Лишь ветер с губ моих сорвёт
Любви напрасный зов.
Небесный пылью занесёт
Певучий след подков.

И будет сниться в вещих снах —
Таких, что свет не мил! —
Стремян порожних перезвук
Да перезвон удил.

Когда же через тыщу лет
Обратно долетит
Прощальным эхом твой ответ:
«Родная, Бог простит!..»,

Приблудный ветер — твой дружок,
Что весточку принёс,
Покорно ляжет возле ног
И заскулит, как пёс.

Богу — свечка. Чёрту — кочерга.
Рай — воцерковлённым. Вольным — воля...
А тебе — раздетый донага
Бесприютный ветер в чистом поле.

Одичалый ветер-нелюдим
Вновь и вновь грозит тебе бедою.
Коль споймаешь — будет он твоим,
Буйный ветер, что пропах враждою.

Он такой, ему не привыкать,
Не найдя на родине приюта,
Щедро мир раздором засевать,
Пожинать плоды вражды и смуты.

В храме свечи слёзные гасить.
Биться сизым соколом в оконца.
По станицам бешено клубить
Вихри, заслоняющие солнце.

Много ль, право, надобно ему?
Приголубь да обогрей дыханьем.
Да засунь в пустую котому.
Да утешь, как дитяtko, сказаньем.

Ибо в мире всё растёт во сне...
Спи, родимый, чутким сном объятый!
Вырастешь и на большой войне
Будешь своей родине солдатом.

Сынов-мужей мы снарядим на битву
И слёзы самоцветные смахнём.
Воскурим ладан. Вознесём молитву.
Душистою кадильницей взмахнём.

Покуда смерть — языческая жрица —
На поле брани рыщет в скорбный час,
Пусть покаянье с наших уст струится,
И самоцветы катятся из глаз.

Мы верим, что исход сражений бранных
Нетленной Высшей Волей предрешён...
Да не оставит вера благоверных,
Отринувших еду, питьё и жён!

Пока сияют с древнего оклада,
И этот свет в столетьях не померк —
Чернёно-серебро, червлёно-злато
И перекатный жемчуг русских рек!

Високосная весна

Пятый день я сама не своя.
Пятый день дует ветер с востока.
И шумят за окном тополя,
И плоды наливаются соком.

И какая-то жалость и грусть
К тем, когда-то покинутым людям...
И надежда на то, что вернусь.
И уверенность — встречи не будет.

О, треклятое чувство вины
Перед городом нынешним этим,
Что не вхож в мои песни и сны,
Не любим, хоть согрел и приветил.

Как волчица — корми, не корми —
Неславянскими злыми глазами
В это небо в закатной крови
Пялюсь долгими вечерами.

И ловлю настороженный взгляд
Своей русской и ласковой мамы...
Это ветер во всём виноват —
Душный, бешеный, страстный, упрямый.

Это снова, поддавшись ему,
Я себя ощущаю приبلудной,
Разменявшей восточную тьму
На российские серые будни.

Полуодета, полу-умыта и полунакрашена.
Только-только с поезда сошел,
Я стою под небом града вашего...
Вас под этим небом больше нет!

Странный город, с детства мне обещанный,
До сих пор не знавший обо мне,
Жарко обнимает вашу женщину,
В вашем не сгоревшую огне.

Здесь восток навек столкнулся с западом.
Здесь восток навек не победил.
Мне бежмя бежать отсюда надо бы —
Не хватает гордости и сил.

Мне бы жить под изумрудным куполом
(Здесьние уж больно золоты!)
И читать стихи пропойцы мудрого,
И, смеясь, загадывать мечты.

Мирно спите вы под боком жениным,
Мне давно ночами не до сна —
Подступает головокружение,
И земля становится тесна.

Любовь ушла, а муза не явилась...
...Я насчитала сорок куполов
В том городе, который — Божья милость,
Где вечный дождь и звон колоколов.

Где по весенним мартовским аллеям
Бреду туда, куда глаза глядят —
Мои глаза, которые чернее,
Чем сорок загорелых арапчат.

Здесь в магазинах — только продавщицы
Да сине-новгородское стекло.
Здесь чувство, что ещё смогу влюбиться.
И, может, даже никому назло!

Ну, а покуда остывают губы,
Бледнеют на запястье синяки...
Чудесные мгновения безлюдья
На берегу бунтующей реки.

Наконец-то свободна
От тебя и от всех.
Вот он — мой самый звёздный,
Самый страшный успех.

Не сдалась вам на милость,
А, наверное, зря...
Отлегло. Отлюбилось.
Отблистала заря.

Вы у цели. У цели,
Каждый первый подряд,
Что так видеть хотели
Мой затравленный взгляд.

Слышать сорванный голос,
Певший вам, певший вас —
Здесь, где всё раскололось,
Но срастётся не раз.

Золушка

1

Его монаршие замашки
И ненавижу, и люблю.
Полуподросток-замарашка,
Тайком томлюсь по королю.

Он осторожен. Осторожен!
О самом главном он — молчок.
Тоскует по чумазой ножке
Хрустальный звонкий башмачок.

2

Поспешно, как Золушка с бала,
Я снова сбежала с банкета...
Внизу на парах ожидала
Не ставшая тыквой карета.

С набито-жующими ртами
От веку постыдны мне лица...
Ты вслед посмотрел мне глазами
Усталого доброго принца.

За мною не бросился следом.
Старинную сказку не вспомнил.
Привыкший к банкетным победам,
Вздохнул и рюмашку наполнил.

Закусывал, морщась устало,
На лбу приумножив морщины —
Любовь променявший на славу
Угрюмый и скучный мужчина.

Кто нам нужней сегодня —
Разлучница иль сводня?
Вдогонку ли проклятья
Иль свадебное платье?

Что нам нужнее завтра?
Чай с приворотной травкой
Или другие двое,
Что любят нас с тобою?

Ты сделал всё, чтоб потерять меня,
Не давши мне из тысячи — ни шанса...
Теперь, повинно голову склоня,
Слагай вослед классические стансы.

Ну, что ж, не воплотилась, не сбылась
Мечта, которой грезили мы оба...
Зато она чеканно отлилась
В стихи небесной, самой высшей, пробы.

И, может статься, прожитой весны
Предательства, измены, укоризны
Лишь для стихов и были нам даны...
Для них одних! Не для совместной жизни...

Да будет так! Большому кораблю
И плаванье большое не накладно...
Как женщина — прощаю и терплю.
И только, как поэт, я беспощадна.

Тебя хранит аллах.
Меня хранит Христос.
Отсюда на губах
Извечный привкус слёз.

И невозможно — врозь.
И теснота — вдвоём.
И ты — всего лишь гость
В мой одинокий дом.

Томишься жаждой там.
Я замерзаю здесь...
Но по моим стихам
Узнают, что ты — есть!

Пусть черноглаз твой бог,
А мой — голубоок,
Но, сквозь асфальт цветов,
Ты рвёшься между строк.

И нет на мне греха.
И нет во мне огня.
Мужчины по стихам
Влюбляются в меня.

Мне кажется, я где-то Вас встречала.
Но где-то там, у самого начала.
Но где-то там, где губы пахнут мятой,
Где мы ещё ни в чём не виноваты.

Мне кажется, я Вас уже любила...
Когда и где со мною этой было?

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66